

УДК 342.565.2

DOI <https://doi.org/10.17308/vsu.proc.law.2020.4/3151>

## ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА НА ПРИМЕРЕ ОДНОГО ДЕЛА

И. М. Евлоев

*Конституционный Суд Республики Ингушетия (г. Магас)*

Поступила в редакцию 28 июля 2020 г.

**Аннотация:** статья посвящена отдельным вопросам совершенствования конституционного правосудия, возникшим в ходе рассмотрения в Конституционном Суде Республики Ингушетия, а впоследствии – в Конституционном Суде РФ, дела об установлении границы республики. Речь идет о возможности проверки региональным конституционным судом нормативного акта, утверждающего соглашение между субъектами РФ, о субъектах обращения в Конституционный Суд РФ в целях признания нормативного акта подлежащим действию вопреки официально принятому решению органа конституционного правосудия субъекта РФ, а также об основаниях отвода судей конституционных судов.

**Ключевые слова:** судебный нормоконтроль, конституционные (уставные) суды, межрегиональные соглашения, отвод судьи.

**Abstract:** the article is devoted to issues of improving constitutional justice that arose during the consideration by the Constitutional Court of the Republic of Ingushetia and the Constitutional Court of the Russian Federation of a case on establishing the border of the republic. In particular, we are talking about the possibility of checking by a regional constitutional court a normative act approving an agreement between subjects of the Russian Federation; on persons entitled to apply to the Constitutional Court of the Russian Federation in order to recognize a regulatory act subject to action despite an official decision of the constitutional court of the subject of the Russian Federation; about the grounds for recusal of judges of constitutional courts.

**Key words:** judicial compliance assessment, constitutional and statutory courts, interregional agreements, challenge the judge.

Конституционный Суд Республики Ингушетия 30 октября 2018 г. вынес постановление по делу о проверке конституционности Закона Республики Ингушетия «Об утверждении Соглашения об установлении границы между Республикой Ингушетия и Чеченской Республикой» в связи с запросом депутатов Народного Собрания Республики Ингушетия. Постановлением оспариваемый закон был признан противоречащим Конституции Республики Ингушетия и, соответственно, утвержденное им соглашение не порождающим правовых последствий<sup>1</sup>. По запросу Главы Республики Ингушетия Конституционный Суд России 6 декабря 2018 г. принял постановление № 44-П «По делу о проверке конституционности Закона Республики Ингушетия «Об утверждении Соглашения

---

<sup>1</sup> Постановление Конституционного Суда Республики Ингушетия от 30 октября 2018 г. № 19-П // Общенациональная газета «Сердало». 2018. 3 нояб.

об установлении границы между Республикой Ингушетия и Чеченской Республикой» и Соглашения об установлении границы между Республикой Ингушетия и Чеченской Республикой в связи с запросом Главы Республики Ингушетия»<sup>2</sup>, которым Соглашение и закон о его утверждении признаны не противоречащими Конституции России.

В ходе судебного разбирательства высветились многие дискуссионные моменты, которые в общем виде были рассмотрены ранее<sup>3</sup>. Однако некоторые важные аспекты конституционного правосудия, которые не только не получили должного отражения в законодательстве, но и мало исследованы в юридической литературе, нуждаются, на наш взгляд, в более детальном рассмотрении.

Первым и наиболее интересным вопросом стала возможность проверки конституционным судом субъекта РФ нормативного акта, утверждающего соглашение между субъектами РФ. Ряд правоведов в средствах массовой информации поддержали позицию Конституционного Суда Республики Ингушетия, отметив, что проверка закона, утвердившего соглашение между регионами, безусловно, является предметом рассмотрения конституционного суда республики<sup>4</sup>. Вместе с тем были высказаны и сомнения в правомочии регионального конституционного суда проверять конституционность соглашения между субъектами РФ<sup>5</sup>. Однако вопрос в такой плоскости и не стоял. Очевидно, что вступившее в силу соглашение между субъектами не может быть предметом рассмотрения региональных конституционных (уставных) судов. В силу п. «в» ч. 2 ст. 125 Конституции РФ такие соглашения подлежат оспариванию в Конституционном Суде РФ. Органы конституционной юстиции субъектов РФ правомочны проверять лишь не вступившие в силу межрегиональные соглашения, если такое полномочие закреплено в законодательстве соответствующего региона.

Предметом рассмотрения в Конституционном Суде Республики Ингушетия выступал Закон Республики Ингушетия об утверждении со-

<sup>2</sup> Вестник Конституционного Суда РФ. 2019. № 1.

<sup>3</sup> См.: *Евлоев И. М.* Постановление Конституционного Суда России о границах между субъектами Российской Федерации : разрешение спора или усугубление проблемы? Комментарий к постановлению от 6 декабря 2018 года № 44-П // Сравнительное конституционное обозрение. 2019. № 1. С. 92–106.

<sup>4</sup> Интервью с Е. А. Лукьяновой. Программа «Особое мнение» // Радио «Эхо Москвы». URL: <https://echo.msk.ru/programs/personalno/2305979-echo> ; *Копомеев К.* Конституционные вопросы, по обсуждению которых мы соскучились // Портал Закон.ру. URL: [https://zakon.ru/blog/2018/11/9/konstitucionnye\\_voprosy\\_po\\_obsuzhdeniyu\\_kotoryh\\_my\\_soskuchilis](https://zakon.ru/blog/2018/11/9/konstitucionnye_voprosy_po_obsuzhdeniyu_kotoryh_my_soskuchilis) (дата обращения: 24.06.2020).

<sup>5</sup> Решение КС Ингушетии о границе с Чечней не имеет юридической силы // Российское агентство правовой и судебной информации РАПСИ. URL: [http://rapsinews.ru/judicial\\_news/20181030/290439747.html](http://rapsinews.ru/judicial_news/20181030/290439747.html) ; *Туаев М.* Юристы поспорили о значении решения Конституционного Суда Ингушетии // Кавказский узел. URL: [https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/327353/?fbclid=IwAR0mM9s03lB-MVXLt00aPYDokjvU2e-3DCXtX4vaQe\\_Z\\_dJCE6R0wSXpEac](https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/327353/?fbclid=IwAR0mM9s03lB-MVXLt00aPYDokjvU2e-3DCXtX4vaQe_Z_dJCE6R0wSXpEac) (дата обращения: 24.06.2020).

глашения. Соответственно, проверке подлежало не соглашение, а региональный нормативный правовой акт, который согласно п. 1 ч. 2 ст. 96 Конституции Республики Ингушетия может быть предметом рассмотрения в Конституционном Суде республики.

Представитель Главы Республики Ингушетия в Конституционном Суде Ингушетии возражал против рассмотрения дела судом, ссылаясь на определение Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 г. № 1055-О, в соответствии с которым конституционно-правовая оценка закона о ратификации соглашения, как правило, невозможна в отрыве от самого соглашения, проверка же конституционности такого закона по порядку принятия также не может быть осуществлена без учета его прямой нормативной связи с соответствующим соглашением. Эта же позиция прозвучала в выступлениях полномочных представителей Президента РФ М. В. Кротова, Генерального прокурора РФ Т. А. Васильевой на заседании Конституционного Суда России по делу о проверке конституционности названных соглашения и закона об установлении границы<sup>6</sup>; Конституционный Суд РФ прислушался к этим доводам.

Однако при ссылке на указанное определение упускается из виду тот немаловажный факт, что предметом рассмотрения выступал закон о ратификации международного договора, т. е. речь шла о договорных отношениях суверенных государств на международном уровне, в рамках которых внутренние установления одного из государств не распространяются на контрагентов по договору<sup>7</sup>. Соответственно, Суд был связан императивным требованием ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, закрепляющей принцип добросовестного выполнения международных обязательств и приоритета международных договоров над национальным законодательством. Исходя из этого, Конституционным Судом применены положения Венской конвенции о праве международных договоров, согласно п. 1 ст. 42 которой действительность договора или согласия государства на обязательность для него договора может оспариваться только на основе применения данной Конвенции.

Что касается дела, рассматривавшегося Конституционным Судом Республики Ингушетия, то в нем проверке подлежал закон об утверждении межреспубликанского, т. е. внутригосударственного, договора, который по своей юридической силе и устойчивости не идет ни в какое сравнение с международными договорами и стороны которого не обладают суверенитетом. Ни Венская конвенция, ни иные международные принципы

---

<sup>6</sup> Трансляция заседания Конституционного Суда РФ по делу о проверке конституционности Соглашения об установлении границы между Республикой Ингушетия и Чеченской Республикой // Видеохостинг YouTube. URL: [http://medias.ksrf.ru/archive/20181127p001.mp4/embed.html?fbclid=IwAR1GKG\\_haFROCwgTvZDUkp8brVg0LEbj3YX3ilosf06skuXPE1iMbny01o](http://medias.ksrf.ru/archive/20181127p001.mp4/embed.html?fbclid=IwAR1GKG_haFROCwgTvZDUkp8brVg0LEbj3YX3ilosf06skuXPE1iMbny01o) (дата обращения: 25.06.2020).

<sup>7</sup> См.: *Велиева Д. С., Пресняков М. В.* Спор о границах... компетенции Конституционного Суда Российской Федерации и органов конституционной юстиции субъектов Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 2. С. 42–48.

и нормы, ни даже национальное законодательство России не вводит в отношении таких договоров того жесткого механизма защиты, который свойствен договорам международным.

Это, конечно, не означает, что договоры между субъектами РФ могут без каких-либо оснований расторгаться в одностороннем порядке. Общий принцип *pacta sunt servanda* в полной мере распространяется и на внутригосударственные договоры. Однако они по своему статусу не могут обладать тем же уровнем иммунитета от одностороннего отказа в их исполнении, как международные.

Более того, даже в международном праве допускается отказ от исполнения договора при наличии определенных условий. В соответствии со ст. 46 Венской конвенции государство не вправе ссылаться на то обстоятельство, что его согласие на обязательность для него договора было выражено в нарушение того или иного положения его внутреннего права, касающегося компетенции заключать договоры, как на основании недействительности его согласия, *если только данное нарушение не было явным* (т. е. объективно очевидным для любого государства, действующего в этом вопросе добросовестно и в соответствии с обычной практикой) *и не касалось нормы его внутреннего права особо важного значения* (курсив наш. – И. Е.). Исходя из этого, Конституционный Суд РФ сделал вывод, что оспаривание действительности согласия государства на обязательность для него вступившего в силу международного договора в связи с нарушением норм внутреннего права возможно только в исключительных случаях и лишь при условии, что явно нарушены особо важные, в том числе конституционные, нормы о компетенции в сфере заключения международных договоров, причем такое оспаривание допустимо только в рамках предусмотренных данной Конвенцией процедур. То есть международное право допускает два условия, при наличии которых согласие стороны на принятие на себя обязательств может быть признано недействительным: явное нарушение норм внутреннего права и нарушение норм особо важного значения.

В деле об оспаривании республиканского закона об утверждении Соглашения, устанавливающего границы между республиками, были выявлены нарушения, отвечающие обоим указанным условиям. Во-первых, соглашение, изменяющее территорию субъекта РФ, было заключено и утверждено без соблюдения такого важного конституционного требования, как учет мнения населения, выраженного референдумом. Во-вторых, процедура принятия закона сопровождалась грубыми нарушениями, приведшими к искажению волеизъявления депутатов.

Таким образом, даже если признать допустимым применение в межрегиональных спорах позиции, изложенной в указанном определении Конституционного Суда РФ, отсутствуют какие-либо препятствия для судебного дезавуирования решения о принятии обязательств по договору. Соответственно, и конституционные (уставные) суды субъектов РФ вправе проверять конституционность нормативных актов (законов или постановлений законодательных органов) об утверждении соглашений

между субъектами РФ и признавать их не соответствующими конституции (уставу) соответствующего субъекта.

Второй дискуссионный вопрос связан с обращением Главы Республики Ингушетия в Конституционный Суд РФ с запросом о проверке конституционности закона, признанного неконституционным указанным выше решением регионального органа конституционной юстиции, считая его подлежащим действию вопреки официально принятому решению. И здесь встает вопрос о допустимости обращения высшего должностного лица субъекта РФ с подобным запросом.

Ранее позиция Конституционного Суда России по данному вопросу была выражена в постановлении по «Челябинскому делу», в котором суд отметил, что в случае признания неконституционным закона субъекта РФ, принятого по вопросу, находящемуся в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов, законодательный (представительный) орган субъекта РФ либо принимает закон во исполнение решения органа конституционного правосудия данного субъекта, либо обращается с запросом в Конституционный Суд России, если считает признанный не соответствующим конституции (уставу) субъекта РФ закон подлежащим действию вопреки официально принятому решению органа конституционного правосудия субъекта РФ<sup>8</sup>.

Слабые места этой позиции указаны в Особом мнении судьи Г. А. Гаджиева, который обратил внимание на такой важный признак решений региональных конституционных судов, как их обязательная сила и окончательность. По факту оспариваемая норма утратила силу с момента признания ее неконституционной (неуставной) соответствующим уставным судом и, соответственно, как не существующая в правовом пространстве не могла быть предметом рассмотрения в Конституционном Суде РФ<sup>9</sup>, с чем согласны и ученые-правоведы<sup>10</sup>. Тем не менее Конституционный Суд России не согласился с этим подходом и обозначил свою позицию, которую и возьмем за отправную точку для дальнейших рассуждений.

В соответствии с названным постановлением Конституционного Суда России после признания регионального закона неконституционным следующий ход остается за органом, принявшим данный закон и, соответственно, правомочным его отменить, а именно за законодательным органом субъекта РФ. Коль скоро мы оставили в стороне вопрос о правомерности такого обращения в Конституционный Суд РФ в принципе,

---

<sup>8</sup> Постановление Конституционного Суда РФ от 2 декабря 2013 г. № 26-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2014. № 2.

<sup>9</sup> Особое мнение судьи Г. А. Гаджиева о постановлении Конституционного Суда РФ от 2 декабря 2013 г. № 26-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

<sup>10</sup> См.: *Брежнев О. В.* Некоторые проблемы взаимодействия Конституционного Суда России и органов конституционного правосудия субъектов Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 9. С. 56–60; *Кряжкова О. Н.* Перемены в российском конституционном правосудии: ожидавшиеся, ожидаемые, неожиданные // Там же. № 10. С. 41–51; и др.

то в рамках сформулированной судом позиции единственно возможным способом инициирования дела в Конституционном Суде РФ является исключительно обращение органа, принявшего признанный неконституционным акт. После признания нормативного акта противоречащим конституции (уставу) субъекта РФ он не подлежит применению и формально должен быть исключен из правового поля решением органа, его принявшего. Иные органы такое решение принять не могут; включение в правоотношения «суд – орган, принявший акт» третьих лиц не только не имеет правовой основы, но и противоречит здравому смыслу. Иными словами, никакой иной орган или лицо не правомочны дезавуировать или, напротив, инициировать процедуру «реабилитации» дисквалифицированного нормативного акта.

Любое расширительное толкование, допускающее обращение в Конституционный Суд РФ иного лица, чем принявшего акт, означает, что решение регионального органа конституционной юстиции не обладает не только окончательной, но и вообще какой-либо юридической силой. О какой обязательности судебного акта можно вести речь, если не только сторона по делу в рамках строго определенных процедур, но и любой иной субъект правоотношений волен уклониться от исполнения решения суда.

С учетом изложенного представляется очевидным, что ни глава региона, ни другое лицо или орган, кроме законодательного органа субъекта РФ, не вправе обращаться в Конституционный Суд РФ с запросом о проверке конституционности закона субъекта РФ, ранее признанного не соответствующим Конституции (уставу) субъекта РФ региональным конституционным (уставным) судом.

Конституционный Суд России проигнорировал эти обстоятельства и принял запрос к рассмотрению, без какой-либо аргументации констатировав, что «Конституционный Суд Российской Федерации уполномочен проверять конституционность закона субъекта Российской Федерации, который издан по вопросу, относящемуся к ведению Российской Федерации или к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов, и признан не соответствующим конституции (уставу) субъекта Российской Федерации» (абзац первый п. 1.2 мотивировочной части постановления), чем изменил свою практику, придав расширительное толкование закону и собственным предыдущим позициям. Эта ситуация заставляет обратиться к более тщательному изучению положений ст. 85 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», которые нуждаются в конкретизации, исключающей ее чрезмерно широкое понимание и придающей стабильность и предсказуемость деятельности судебной власти.

Наконец третий момент, на котором стоит остановиться – это процедура отвода судьи. В ходе рассмотрения указанного дела органом, принявшим оспариваемый акт, был заявлен отвод одному из судей по причине его участия в принятии закона. По мнению заявителя, участие выража-

лось в том, что, во-первых, судья входил в состав комиссии, выводы которой легли в основу заключения Соглашения, утвержденного оспариваемым законом; во-вторых, он направил в законодательный орган отзыв на проект закона, ставшего впоследствии предметом рассмотрения в конституционном суде.

Конституционный закон Республики Ингушетия «О Конституционном Суде Республики Ингушетия», как и федеральный закон, предусматривает, что судья Конституционного Суда республики отстраняется от участия в рассмотрении дела в случае, если он ранее в силу должностного положения участвовал в принятии акта, являющегося предметом рассмотрения. Эта норма, позаимствованная из закона о Конституционном Суде РФ, характерна и для других регионов и в отличие от производства в федеральном конституционном суде носит далеко не «спящий» характер<sup>11</sup>. В связи с этим нередко приходится разрешать вопрос, что считать участием в принятии нормативного акта. Толкование допускает три варианта такого участия в зависимости от того, насколько широко понимать процесс принятия акта.

Первый, узкий, круг участников принятия нормативного акта – это те лица, которые непосредственно принимали и подписывали акт, т. е. действия которых привели к обретению актом юридической силы. В случаях с указами, приказами и прочими актами, принятыми единоличными государственными органами, таким субъектом будет соответствующее должностное лицо, непосредственно подписавшее акт. В отношении актов, принимаемых коллегиальными органами, лицами, принявшими акт, следует считать всех, кто голосовал в ходе рассмотрения соответствующего акта и подписывал его. В отношении региональных законов такими субъектами будут выступать депутаты соответствующего законодательного органа и высшее должностное лицо субъекта РФ, подписавшее законодательный акт.

Несколько расширив указанный подход, к числу лиц, участвовавших в принятии нормативного акта, можно отнести должностных лиц, непосредственно способствовавших принятию акта, т. е. его инициаторов, разработчиков, а также докладчиков, отстаивавших его принятие в коллегиальном органе.

Наконец, можно обозначить максимально широкий круг участников принятия акта, включив в их число всех, кто так или иначе был вовлечен в процесс рассмотрения проекта. В этом случае участниками следует считать не только обозначенные выше категории, но также:

а) каждого, кто давал заключение на проект, т. е. все субъекты законодательной инициативы (список таких субъектов достаточно широк), все органы, уполномоченные проводить экспертизу проекта, включая органы прокуратуры, юстиции, контрольно-счетные органы, представители гражданского общества, проводившие независимую экспертизу и т. д.;

---

<sup>11</sup> См.: Тимофеев И. В. Об институте отвода судьи органа конституционной юстиции // Вестник Уставного суда Санкт-Петербурга. 2012. № 1 (17). С. 59–66.

б) всех, кто имел опосредованное отношение к разработке проекта: члены разного рода комиссий, рабочих групп, готовившие обоснование к проекту и предложения по его доработке.

В этом случае список оказывается настолько широким, что всерьез принимать его за основу для решения вопроса об отводе судьи, по меньшей мере, опрометчиво. Эти соображения привели к изменению в 2001 г. Закона Санкт-Петербурга «Об Уставном суде Санкт-Петербурга». Если ранее закон содержал стандартную норму об отводе судьи, в силу должностного положения участвовавшего «в принятии нормативно-правового акта, являющегося предметом рассмотрения», то в новой редакции термин «принятие» уточнен словами «(голосованием или подписании)»<sup>12</sup>. Представляется, что при рассмотрении вопроса об отводе судьи наиболее оправданным является именно такой подход, т. е. включение в круг лиц, принимавших участие в принятии нормативного акта, первой, узкой группы участников.

Однако и эта позиция представляет собой лишь жестко детерминированное нормами действующего законодательства его толкование. Между тем рассматриваемая проблема значительно глубже. Если отступить от норм законодательства и перевести обсуждение в теоретическую плоскость, возникают сомнения в обоснованности указанного подхода. Возникает вопрос, насколько правомерно подобное ограничение для участия судьи конституционного суда в рассмотрении дела?

В юридической литературе высказывалась озабоченность применением процедуры отвода судьи в конституционном судопроизводстве в связи с тем, что этот институт нередко используется для обвинения «несговорчивого» судьи в предвзятости и исключения его из процесса принятия решений большинством судей. Однако не меньшей проблемой, на наш взгляд, является возможность нарушения права на судебную защиту в результате необоснованного отвода судьи и прекращения дела в связи с отсутствием кворума. Это очень актуально для региональных конституционных судов, которые часто формируются не только из профессорско-педагогического состава, т. е. юристов-теоретиков, но и из бывших чиновников, имеющих специальные практические познания в вопросах нормотворчества и анализа нормативных актов. Такой отбор обусловлен наличием признанной высокой квалификации в области права таких специалистов, в первую очередь в области оценки правовых актов. Кажется бы, такой подход логичен и очевиден, но именно эти обстоятельства в итоге приводят судей в «группу риска». Как справедливо отмечает А. А. Ливеровский, во-первых, неоправданно связывать профессиональные «начальные условия» с будущей потерей беспристрастности при рассмотрении вопросов публичного права в рамках полномочий суда по конституционному нормоконтролю; во-вторых, в конституционном суде-

<sup>12</sup> О внесении изменений и дополнений в Закон Санкт-Петербурга «Об Уставном суде Санкт-Петербурга»: закон Санкт-Петербурга от 17 декабря 2001 г. № 841-111. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

производстве не устанавливаются фактические обстоятельства, т. е. исключается субъективная основа действий судьи, который формулирует вывод на основании созданных или признаваемых им правовых позиций, исходящих из фундаментальных конституционных положений, в связи с чем теряет свой первоначальный смысл само понимание судебской беспристрастности<sup>13</sup>.

В качестве иллюстрации к изложенным выше опасениям можно привести состав Конституционного Суда Республики Ингушетия, в который назначены только трое судей из пяти, что составляет кворум для принятия решения, и отвод даже одного судьи делает рассмотрение дела невозможным. При этом действующие судьи в разное время замещали должности депутата, члена высшего исполнительного органа республики, прокурора и принимали участие в разработке, экспертизе и принятии многочисленных нормативных актов. Естественно, что в таких условиях угроза отвода и, соответственно, блокирования конституционного нормоконтроля носит далеко не гипотетический характер. Стоит лишь отметить, что один из судей Конституционного Суда Республики Ингушетия ранее в статусе депутата регионального законодательного органа принимал участие в принятии двух законов, отдельные положения которых впоследствии выступали предметом рассмотрения в суде. Но ни самому судье, ни суду, ни участникам процесса не пришло в голову посчитать, что это отразится на беспристрастности судьи, и заявить отвод (или самоотвод)<sup>14</sup>.

Вообще институт отвода судьи связан с необходимостью исключения субъективного интереса последнего при рассмотрении дела. Но какой может быть субъективный интерес у судьи, ранее принимавшего нормативный правовой акт? В частности, в чем может выражаться интерес бывшего депутата, который участвовал в голосовании при принятии закона, ставшего предметом рассмотрения суда? Или министра, голосовавшего на заседании высшего исполнительного органа субъекта за принятие постановления? Общеизвестно, что в подавляющем большинстве случаев такое голосование носит для его участников характер конвейера, когда они в лучшем случае пробегают глазами представленный проект.

При таких обстоятельствах представляется чрезмерно самонадеянным признавать наличие субъективного интереса, исходя из одного только факта участия должностного лица в голосовании. Констатировать наличие сомнений в беспристрастности судьи можно с определенной до-

---

<sup>13</sup> См.: *Ливеровский А. А.* Объективность правоприменительных действий судьи органа конституционной юстиции // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 10. С. 63–67.

<sup>14</sup> Напомним, что в Конституционном Суде РФ судьи также рассматривали дела о проверке конституционности законов, в принятии которых они ранее принимали участие в статусе депутатов Государственной Думы, однако ни разу не ставился вопрос об их отстранении от участия в деле (см.: *Ливеровский А. А.* Указ. соч. С. 63–67).

лей уверенности только в случае, если он ранее в качестве единоличного органа подписывал оспариваемый нормативный акт<sup>15</sup>.

Таким образом, небезосновательно недовольство механическим перенесением института гражданского процесса в конституционное судопроизводство и сомнение в уместности применения критерия «беспристрастность» в существующем его понимании при осуществлении конституционного контроля<sup>16</sup>. Данный критерий применительно к судьям конституционных судов нуждается в серьезном осмыслении и конкретизации.

По нашему мнению, даже в условиях неопределенности будущего конституционной юстиции указанные вопросы требуют изучения в целях формирования теоретической базы для совершенствования законодательного регулирования деятельности таких органов, в том числе с учетом возможности их трансформации в иные квазисудебные органы или последующего их возрождения в более жизнеспособной и эффективной форме.

---

<sup>15</sup> Даже в этом случае уместным было бы требование более существенных, чем просто подпись под документом, доводов, подтверждающих наличие субъективного интереса у должностного лица, механически подписывающего десятки документов ежедневно, оставляя вопросы их законности на совести разработчиков. Воздержаться от такого подхода вынуждает вероятность, что интерес может заключаться не в содержащемся в оспариваемом акте правовом регулировании, а в стремлении судьи «сохранить лицо», обосновав законность (конституционность) собственноручно подписанного акта и тем самым избежав упреков в принятии неконституционного акта.

<sup>16</sup> См.: Тимофеев И. В. Указ. соч. С. 66 ; Холиков К. Н. Особенности судопроизводства в Конституционном Суде Республики Таджикистан // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 4. С. 70–74.

*Конституционный Суд Республики  
Ингушетия (г. Магас)*

*Евлов И. М., судья, заслуженный  
юрист Республики Ингушетия  
E-mail: evlo@mail.ru*

*Constitutional Court of the Republic of  
Ingushetia (Magas)*

*Evloev I. M., Judge, Honoured Lawyer of  
the Republic of Ingushetia  
E-mail: evlo@mail.ru*